

УДК 316.012

МЕЩЕРЯКОВА Наталия Николаевна –

к.и.н., доцент кафедры социологии, психологии и права Национального исследовательского Томского политехнического университета.

634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, д. 30.

natalia.tib@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ АНОМИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

FEATURES OF ANOMIE IN THE RUSSIAN SOCIETY

Для более комплексного описания и объяснения феномена социальной (структурной) аномии в российском социуме существующие модели аномии, опирающиеся на концепции Э. Дюркгейма и Р. Мертон, предлагается дополнить понятием рефлексивной аномии, соответствующей современному сложному обществу. Факторы, провоцирующие структурную аномию, – внешние по отношению к самому субъекту. Рефлексивную же аномию порождают факторы внутренние, собственная субъективность акторов. Введение понятия рефлексивной аномии позволяет понять некоторые ее проявления, не укладывающиеся в традиционные схемы.

Ключевые слова: сложное общество, структурная аномия, рефлексивная аномия, постматериалистические ценности

For more complete description and explanation of the phenomenon of social (structural) anomie in Russian society the author of the article suggests completing existing models of anomie based on the concept of Emile Durkheim and Robert Merton with the notion of reflexive anomie, corresponding to the modern complex society. Factors that trigger structural anomie are external to the subject itself. Reflexive anomie is generated by internal factors and subjectivity of actors. Introduction of the concept of reflexive anomie allows us to understand some of its manifestations which don't keep within traditional schemes.

Keywords: complex society, structural anomie, reflexive anomie, post-materialist values

Общим местом в работах, описывающих явление социальной аномии в российском обществе, является установление ее прямой генетической связи с переходным периодом в его развитии. Для примера обратимся к двум моделям аномии, наиболее комплексно описывающим и объясняющим особенности формирования и протекания ее в нашем социуме.

Первая из них является результатом исследований С.Г. Кара-Мурзы. В его трактовке аномия – такое состояние общества, когда значительная часть его граждан сознательно нарушают известные им нормы этики и права [Кара-Мурза 2013: 4]. Он выделяет ведущие факторы, которые осуществляют принципиальные изменения в социальной системе, провоцируют и поддерживают аномию, устанавливает связи между ними.

1. Кризис культуры. Удар, нанесенный культуре, не только разрушил ее эле-

менты и связи между ними, но, с точки зрения автора, запустил самовоспроизводящийся и самоускоряющийся механизм разрушения [Кара-Мурза 2013: 117].

2. Ложь элиты. Сознательной ложью была вся та идеологическая риторика, которой сопровождалась попытка перестройки и перехода к демократии и правовому государству. Вирус лжи, с точки зрения автора, настолько проник в российскую политику, что стал элементом «культурного ядра» общества [Кара-Мурза 2013: 145-146]. Когда общество поняло, что элита его систематически обманывает, это стало для него постоянным источником аномии.

3. Преобразование системы потребностей. За последние 20 лет, считает Кара-Мурза, в сознание граждан России была внедрена новая программа потребностей. Основную массу населения втянули в так называемую «революцию

притязаний», заставили отказаться от нравственных норм в пользу гедонистических и потребительских. Но поскольку для большинства населения эти притязания неосуществимы, а с этим фактом смириться оно не может и не хочет, это становится для него постоянным источником стресса и генератором аномии [Кара-Мурза 2013: 175].

Система оскорбительных действий политической и экономической элиты, сложившейся в годы перестройки, вкупе с разрушением традиционной системы ценностей и подмены их квазиобразцами, с точки зрения исследователя, создали предпосылки для аномии, породив в российском обществе массовый пессимизм.

В модели аномии С.Г. Кара-Мурзы выстраиваются взаимосвязи и взаимозависимости между факторами, влияющими на описываемое социальное явление. Если 3 заявленных выше фактора выступают в ней генераторами аномии, то поддерживают ее, питают, безусловно, чрезмерное социальное расслоение и бедность значительной части населения.

Предлагаемая С.Г. Кара-Мурзой модель аномии российского общества отличается рядом особенностей. Во-первых, она рассматривает российское общество вне мирового контекста и тех процессов, которые здесь происходят, т.е. изолированно. С.Г. Кара-Мурза называет, например, короткие жизненные проекты, когда люди не заглядывают далеко в будущее, живут сегодняшним днем, специфичной формой проявления аномии, а для А. Тоффлера – это атрибутивная черта постиндустриального общества [Тоффлер 2002].

Отсутствие общемирового контекста неверно в эпоху глобализации и приводит к тому, что и в модели аномии, и в конкретных ее проявлениях трудно понять, что порождается внутренними причинами, специфическими для российского социума, а что является общей тенденцией развития современных обществ.

Вторая важная особенность предлагаемой модели аномии в том, что она не доведена до инструментального состояния. С ее помощью нельзя измерить уровень аномии или проследить колебание каких-то значений выделенных

признаков. Кара-Мурза сам признает наличие методологических трудностей, связанных с измерением аномии. Он предлагает оценивать масштаб аномии в динамике, через нарастание/ослабление явлений [Кара-Мурза 2013: 16].

Надо признать, что инструментальные модели измерения уровня аномии на российском поле вообще редкость. Но в настоящее время подобный проект осуществляется в Высшей школе экономики. К. Сводер и Л. Косалс предлагают модель, уже опробованную на российском материале в ходе эмпирического исследования. Они назвали ее «*don't know*» *anomie* – ДКА (аномия «я-не-знаю») [Swader, Kosals 2013]. Авторы рассматривают аномию как составную часть процесса модернизации, осложненную в России эффектом постсоциализма. Уже в этом моменте присутствует некоторое отличие от модели Кара-Мурзы. Если последний считает, что нормы в нашем обществе нарушаются сознательно в силу общего пессимизма, то Сводер и Косалс строят свою модель на основе концепции Дюркгейма, где ситуация «безнормия», отсутствия определенных правил и институтов связана с эпохой перехода от одного общества к другому. Их модель строится на трех взаимосвязанных гипотезах.

Первая гипотеза предполагает, что формализм как средство нормативного регулирования связан с таким аспектом модернизации, как рационализация. В ходе модернизации рационализация, доказавшая свою эффективность в экономике, начинает проникать в иные сферы общества: политическую, сферу частных отношений, распространяя на них принципы формализованного рационального контроля. В то же время неформальный контроль, основанный на межличностных связях, становится менее значимым. Таким образом, как предполагается в гипотезе, общества, более развитые экономически, регулируются более формализованными средствами контроля [Swader, Kosals 2013: 9].

Вторая гипотеза связана с первой и предполагает, что в экономически развитых странах плотность нормативного регулирования выше и, как следствие, ниже аномия, поскольку самые разные сферы жизни регулируются четкими и многочисленными нормами. Но сам

переход к формализованной системе управления через рациональные законы и государственные институты предполагает, по крайней мере, временные нормы. В результате происходит нормативный слом, т.к. неформальный контроль демонтируется. Таким образом, общества с большими темпами экономического роста должны быть более аномичными [Swader, Kosals 2013: 9].

Третья гипотеза является связующей между первыми двумя. В ней предполагается, что аномия ниже среди людей, живущих в обществах с большей степенью экономического, политического и социального нормативного регулирования. Экономическое развитие несет с собою большую степень социальной сложности, и эта сложность должна уравниваться рациональными, формализованными институтами – в противном случае люди будут лишены необходимых рамок для понимания собственного поведения и управления им. Соответственно, в обществах с менее плотным формализованным контролем уровень аномии выше [Swader, Kosals 2013: 9-19].

Главным показателем аномии в данном исследовании является чувство неуверенности в нормах, собственном поведении, оценках общественной жизни, поэтому авторы измеряют аномию как отсутствие ясного ответа на вопросы в различных сферах. Идеальным показателем аномии становится процент ответов: «не знаю». Преимущества такого подхода исследователи видят в следующем: а) он захватывает субъективный аспект аномии и б) обеспечивает прямое измерение аномии через отражение неопределенности в умах людей в конкретных социальных сферах. Результатом вышеописанной конструкции являются три шкалы, каждая из которых представляет пропорцию ответов «не знаю» по 5 вопросам в сфере политики, экономики и личных отношений.

В ходе исследования Сводер и Косалс в целом подтвердили выдвинутые гипотезы и валидность модели *DKA* (аномии «я-не-знаю») для измерения относительного уровня аномии (диаграммы рассеивания) по отдельным странам как на индивидуальном уровне, так и на уровне общества в целом. Их исследование показало, что экономические

преобразования связаны с изменениями в формах социального контроля. Изначально высокие темпы экономического роста нарушают нормативный порядок обществ, основанный на неформальном межличностном нормативном регулировании. Тем не менее с экономическим ростом (ВВП на душу населения) социальные институты могут развиваться и уравновесить эти нормативные нарушения новой формой порядка, основанного, прежде всего, на политическом контроле (гипотеза 1).

Таким образом, экономически развитые страны (с высоким уровнем ВВП на душу населения, но невысокими темпами роста ВВП) менее аномичны, но процесс становления модерна, выражающийся в росте ВВП, может стимулировать падение нравов (гипотеза 2). При этом гораздо большее воздействие на уровень аномии оказывает «посткоммунистический синдром». Одни и те же показатели: уровень доходов, незаинтересованность в опросе, умеренно отклоняющиеся в развивающихся странах от средних значений развитых стран, значительно увеличивают индивидуальную аномию в посткоммунистических обществах. Влияние самооценки принадлежности к социальному классу на увеличение показателей аномии здесь в 3 раза значительнее (по предлагаемой методике измерения), чем в развивающихся и развитых странах. А для женщины на постсоветском пространстве риск аномии в 2 раза выше, чем в ином обществе.

Эффективность правительства становится мощным источником нормативного регулирования в развитых обществах, а неэффективность и политическая коррупция стимулируют аномию – вот наиболее значимые выводы, полученные в ходе исследования (гипотеза 3). Поскольку изначально гипотеза связывала формализацию с рационализацией, то политическая неформальность, известная как семейственность и кумовство, интерпретируется данной моделью как нерациональное управление, ведущее к нестабильности общественного порядка в целом.

Безусловно, на фоне идеографических моделей аномии, которые до сих пор преобладали в российской социологии, модель *DKA*, предложенная Сводером

и Косалсом, — серьезнейшая заявка на создание методологии исследования этого социального явления, операционализацию и измерение аномии. Но в этой связи есть одно замечание. Если модель С.Г. Кара-Мурзы можно назвать слишком «почвеннической», не учитывающей общемировой контекст, то данная модель является слишком абстрактной по отношению к российской реальности.

По результатам эмпирического исследования авторы сократили число независимых переменных до наиболее существенных. Отказались, например, от семейного положения, членства в церковных общностях, статуса работающего/неработающего из-за их незначительного влияния на зависимую переменную — уровень аномии. В том числе отказались учитывать в дальнейшем коэффициент Джинни по тем же соображениям. Учитывая, что он свидетельствует о социальной дифференциации, т.е. расслоении, вывод, что его можно не принимать в расчет в России, надо делать с большой осторожностью, тем более что переменные субъективной оценки принадлежности к социальному классу и доходов на уровень аномии влияют очень сильно.

Из индивидуальных факторов, значительно влияющих на зависимую переменную, авторы сохранили: пол; уровень образования; уровень дохода; субъективную оценку принадлежности к социальному классу; приверженность постматериалистическим ценностям; стремление жить, оправдывая ожидания друзей; нигилизм, который трактуется как «никогда не думать о смысле жизни»; уровень информированности. Последняя переменная измеряется и трактуется в этой модели очень оригинально с помощью понятия информационной множественности (кратности) от 0 до 7, где 7 показывает, как индивид использовал каждый из источников информации на прошлой неделе: ежедневная газета, радио- или теленовости, печатные журналы, аналитические радио- и телепередачи, книги, Интернет, разговоры с друзьями или коллегами. В выводах говорится, что каждый дополнительный источник информации снижает аномию, а неинформированность, наоборот, повышает

ее. Особенно это характерно, как пишут авторы, для постсоциалистических стран. В их модели уровень информированности, так же как и уровень образования, влияют на уровень аномии. Чем группы респондентов более образованы и более информированы, тем ниже уровень аномии. У менее образованных и менее информированных уровень аномии выше.

Эти выводы, возможно, укладываются в общую концепцию исследователей, что модернизация ведет к временному росту аномии, но более образованные и информированные слои населения быстрее адаптируются к новым требованиям формализованного контроля, начинается стабилизация общественной жизни, затем к ним «подтягиваются» остальные слои населения. Но эта схема не объясняет многие явления российской действительности: «рассерженные горожане» — это как раз и образованные, и информированные, а аномия может не просто провоцироваться неопределенностью складывающейся новой ситуации, а быть протестом против тех правил, которые в ней становятся очевидными.

Современное сложное общество создает новые факторы, которые провоцируют аномию, схожую со структурной во внешнем ее проявлении, несоблюдение норм — но другого генезиса. Автор предлагает усложнить модель аномии современного общества понятием *рефлексивная аномия*. Рефлексивную аномию порождают уже внутренние факторы, собственная субъективность актора, которая становится значимой в ситуации ослабления связей между индивидами в обществе. При этом структурная аномия для разных обществ сохраняет свое значение в разной степени. Что это дает нам для понимания процессов, происходящих в нашем социуме?

Ситуация в российском обществе усугубляется не только фактором его переходного характера, но и неравномерностью его развития. Как показали исследования по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», особую актуальность для России имеет проблема разрыва между условиями жизни населения разных регионов [Проблемы модернизации... 2012: 7]. В России соседствуют регионы

с высоким уровнем вторичной модернизации, информационно-когнитивной, и регионы, не завершившие первичную модернизацию – переход к индустриальному обществу [Проблемы модернизации... 2012: 9-10]. Исследование показывает столичную асинхронность уровней модернизации. Очевидная разница в уровне жизни соседних регионов и жизни основных социальных классов в одних и тех же регионах, что является важнейшей предпосылкой структурной аномии, усугубляется в нашем обществе эффектами рефлексивной аномии в столичных регионах и регионах с высоким уровнем вторичной модернизации. Эмансипирующиеся постматериалистические ценности, или ценности самовыражения, согласно Р. Инглхарту [Инглхарт 1997], связаны с усилением способности выбирать. Жизненная стратегия членов общества, их разделяющих, не направлена на простое воспроизводство себя и своей семьи. Инглхарт подчеркивает, что их носителями в основном является поколение, выросшее в условиях, когда наличие основных благ является само собой разумеющимся. Такие люди не удовлетворяются простым количественным ростом уровня жизни, не спаиваются идеей патриотизма, поскольку нацелены на самовыражение, и управленческие стратегии в

обществе таких граждан отличаются от управленческих стратегий населения регионов, находящихся на начальных стадиях вторичной модернизации. В обществах, уже завершивших обе стадии модернизации, рефлексивность социума уравнивается не только развитой системой формального контроля, но и добровольным консенсусом общественных сил с властными структурами. В российском обществе наличие структурных факторов, порождающих аномии, таких как высокий уровень бедности, социальная поляризация населения, утрата социального капитала, ценностно-нормативный вакуум и др., усугубляется возникновением аномии рефлексивной, при которой основным критерием при выборе моделей поведения становится собственная субъективность, что делает развитие социальной ситуации еще более непредсказуемым.

Введение понятия рефлексивной аномии, с одной стороны, усложняет ее общую модель для российского общества, с другой – позволяет понять некоторые ее проявления, не укладывающиеся в традиционные схемы. Например, почему рост среднего уровня материального благосостояния не приводит к снижению ее уровня. Это понятие позволяет учитывать качественное разнообразие современной российской действительности.

Литература

Инглхарт Р. 1997. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. – *Полис*, № 4. С. 18-28.

Кара-Мурза С.Г. 2013. *Аномия в России: причины и проявления*. М.: Научный эксперт, 264 с.

Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». 2012 г. Уфа: АН РБ, Гилем, 472 с.

Тоффлер А. 2002. *Шок будущего*. М.: АСТ, 557 с.

Swader C.S., Kosals L.Y. 2013. Post-socialist Anomie through the Lens of Economic Modernization and the Formalization of Social Control. – *Working papers by NRU Higher School of Economics*. Series SOC «Sociology», No. 17. P. 2-32.